
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.73

DOI: 10.31249/hoc/2024.04.11

Казакова А.Ю.^{*1}, Степанова Д.А.^{*2}

КЛАДБИЩЕ КАК ОБЪЕКТ ПОСЕЩЕНИЯ: МУЗЕЕФИКАЦИЯ, МАРШРУТЫ И ПРАКТИКИ®

Аннотация. Рассматривая кладбище не только как пространство статусных иерархий и символ социальной интеграции, но и как городской эмерджентный ансамбль, на основе полевого наблюдения авторы анализируют функциональный репертуар старейшего кладбища Калуги. Процессы официальной и стихийной музеефикации стимулируют альтернативные и девиантные практики его использования. Противоречие между траурным характером и функциями транзита, рекреации и досуга угрожает сохранности культурного наследия.

---

^{*1} **Казакова Анна Юрьевна** – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

Kazakova Anna Yur'evna – DSc in Sociology, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

^{*2} **Степанова Дарья Андреевна** – студент второго курса кафедры философии, культурологии и социологии ФБГОУ ВО «Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского» направления подготовки «Социология», профиль «Социология», Калуга, Россия, darastepanova893@gmail.com

Stepanova Darya Andreevna – Second-Year Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology of the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, darastepanova893@gmail.com

© Степанова Д.А., 2024

Ключевые слова: танатосоциология; кладбище; музеефикация; дисфункции культуры памяти; типы посетителей; социальные практики.

Поступила: 26.08.2024

Принята к печати: 10.09.2024

Для цитирования: Казакова А.Ю., Степанова Д.А. Кладбище как объект посещения: музеефикация, маршруты и практики // Вестник культурологии. – 2024. – № 4(111). – С. 170–193. – DOI: 10.31249/hoc/2024.04.11

Kazakova A.Yu., Stepanova D.A.
Cemetery as an Object of Visit:
Turning into a Museum, Routes and Practices

Abstract. The authors consider the cemetery not only as a space of status hierarchies and a symbol of social integration, but also as a space of emergence. On this methodological platform, the authors analyze the functional repertoire of the oldest cemetery in Kaluga. The processes of official and spontaneous museification stimulate alternative and deviant practices of its use. The contradiction between the mourning nature and the functions of transit, recreation and leisure threatens the preservation of cultural heritage.

Keywords: thanatosociology; cemetery; museification; dysfunctions of memory culture; types of visitors; social practices.

Received: 26.08.2024

Accepted: 10.09.2024

For quoting: Kazakova A.Yu., Stepanova D.A. Cemetery as an Object of Visit: Turning into a Museum, Routes and Practices // Herald of Culturology. – 2024. – No. 4(111). – P. 170–193. DOI: 10.31249/hoc/2024.04.11

Введение

Элементом процесса хабиитуализации смерти, который состоит в ее включении в повседневность и ускоряется в условиях социальных кризисов, катастроф и ведения боевых действий, является музеефикация захоронений и кладбищ или их отдельных частей.

Музеефикацию можно представить как часть официальной системы социокоммуникативных институтов с функцией трансляции исто-

рической и социальной памяти (наряду с библиотеками, архивами, выставочными залами, мемориальными комплексами и памятниками), то есть как процесс и результат присвоения объекту статуса музея. В таком смысле она и рассматривается обыкновенно в исторической, искусствоведческой и культурологической литературе. Данный процесс создает «условия для возрождения закрытых и приходящих в упадок кладбищ» [Гогунская, Кармазина, 2020, с. 80], для чего «необходимы совместные усилия различных структур: государственных с определенными полномочиями, религиозных с влиянием на верующих, коммерческих с финансовыми ресурсами и общественных с функциями формирования общественного мнения» [Гогунская, Кармазина, 2020, с. 81].

Музеефикацию, кроме того, можно рассматривать как процесс приобретения объектом изначально не свойственных ему функций музея в результате стихийных и организованных, традиционных или выходящих за рамки традиции коммеморативных практик. Процесс музеефикации в последние годы осуществляется весьма интенсивно, затрагивая разнообразные приметы городской жизни и неожиданные части ее социально-пространственной среды. Музеефицируются зеленые насаждения, еда, мусор и городские свалки, места аварий и катастроф, места, связанные с жизнью, деятельностью и смертью народных любимцев, не входящих в официальный пантеон «культурных героев» (как это происходило в случае увековечивания памяти Виктора Цоя).

Применительно к кладбищам некоторыми признаками музеефикации обладают даже обычаи увековечивания родственниками памяти умерших. Эти признаки обнаруживаются, когда надмогильные плиты, скульптуры, эпитафии, ограды, декор и насаждения отклоняются от общепринятого минимума, сообщая широкий ряд фактической и символической информации о личности, биографии, заслугах покойного, статусе семьи, которой явно приписывается более масштабный, чем узкосемейный, социальный смысл: «Кладбище является одним из структурных элементов городского культурного ландшафта. Оно свободно для доступа и ориентировано на посетителя: на территории некрополя можно видеть тысячи информационных табличек, которые содержат имена, фотографии, даты, эпитафии и иногда причины смерти... Некоторые надгробия являются не только архитектурными памят-

никами федерального значения, но и местами религиозного паломничества и даже проведения политических акций» [Мохов, 2014, с. 249].

Обе эти стороны музеефикации вписаны в процесс диахронной социальной коммуникации, различаясь по составу субъектов, масштабам и формам осуществления, что может приводить к противоречиям между ними, конфликтам и дисфункциям.

Поскольку танатосоциология в стране развита чрезвычайно слабо [Левченко, 2022], большая часть конфликтов, изучавшихся отечественными социологами, касается символических отношений собственности и поддержания престижа за счет «статусных» захоронений: «Наша ментальность... отчетливо фиксирует эту иррациональную функцию символа, но будучи неспособной объяснить ее, ограничивается лишь констатацией абсурда, который становится очевидным при толковании ее в соответствии с логикой современного человека. Возьмем пример... из газеты (“Известия” от 19 января 1991 г.). В статье речь шла о распределении... “знаков почета” между управляющими и управляемыми: “А как же быть тем, кому главное кладбище не по чину, но все-таки на обыкновенном лежать унизительно?” Для них есть филиал главного... погребенный на Кунцевском должен как бы иметь загробную уверенность в своей принадлежности к номенклатуре, с которой время от времени он может вступить в общение» [Бочаров, 1996, с. 17]. Еще У.Л. Уорнером [Уорнер, 2000] и П. Бурдые [Бурдые, 2001] доказано, что культура обязательно включает подсистему сверхъестественного и что структура кладбища, расположение родственных могил повторяют структуру физического и социального пространства населенного пункта, к которому оно относится, будь то Янки-Сити или кабилская деревня. С.В. Моховым и В.А. Зотовой рассмотрен конфликт за «свой» участок, оградку, дерево [Мохов, Зотова, 2017]. Его суть определяет борьба за право на принадлежность к общине, право считаться среди ее членов не просто «своим», но и «самым»: лучшим, заслуживающим доверия, благородным в силу давней укорененности рода на данной территории.

В нашем случае источником конфликта является двойственность места, сочетающего функции места памяти и «современного общественного пространства» [Сафина, Удалов, 2021]. В этом смысле процессы, происходящие с кладбищем и на кладбище, полностью вписываются в определение эмерджентности, данное одним из родоначальников реля-

ционной социологии У.Л. Уорнером: «...наше общество, чтобы быть в каждый данный момент тем, что оно есть, должно постоянно изменяться и становиться чем-то иным. Процессы же изменения таковы, что в то время как формы минувшего прошлого впитываются в настоящее и теряют свою идентичность, настоящие формы, преобразуемые будущим, становятся чем-то отличным от того, чем они являются сейчас» [Уорнер, 1999, с. 143–144]. В каждый момент времени кладбище оказывается полем эмерджентности, постоянного переопределения его статуса как сакрального или профанного, сакрального в религиозном или светском понимании, табуированного или кощунственного. Исход такого «состояния» зависит от доминирующего восприятия, характерного для той группы, которая получает над ним формальный или неформальный контроль и (или) чаще других его использует определенным способом, соответствующим ее пониманию символического и социокультурного смысла смерти и бессмертия, похоронной культуры, религиозных, историко-культурных, лингвистических, архитектурных особенностей кладбища, той информации, которая подлечит увековечиванию. Такая группа и становится главным субъектом спонтанной или управляемой музеефикации.

Постановка проблемы

Для оценки потенциала музеефикации кладбища необходима оценка состава его текущих конструктивных или деструктивных функций исходя из преобладающей модели поведения его посетителей, характерных для того или иного социального типа. Помимо очевидного баумановского противопоставления паломника и туриста, необходимо учитывать возможное присутствие трех других персон, которые частично наследуют роли паломника: бродяга, фланер, игрок [Бауман, 1995]. Традиционной, социально одобряемой, роли паломника соответствует посещение кладбища с культовыми целями: со стороны прихожан храмов, причта, близких похороненных, пришедших ради молитвы, поминовения, ухода за могилой. Роли туриста соответствуют организованные экскурсанты, в том числе школьники, которых целенаправленно приводят на кладбище ради военно-патриотического воспитания, знакомства с боевым опытом и подвигами земляков (что может включать в себя и элементы квазирелигиоз-

ного культа), индивидуальные туристы, в том числе стремящиеся к получению мистических переживаний. Фигура «бродяги», к которым можно причислить реальных бездомных и нищих, зашедших на кладбище в целях поиска пропитания или разовой наживы, в том числе преступной (хищение металла, например), двойственна. С одной стороны, она традиционна, и кладбище – одно из немногих мест его легитимного, ожидаемого, принимаемого всеми присутствия. С другой стороны, бродяга, как отмечает З. Бауман, – жупел для любого пространства и любого сообщества, и его фигура априори девиантна. Приводится по: [Бауман, 1995]. Помимо традиционного для кладбищ сбора подаяния и иных промыслов фигура бродяги соответствует любым нарушениям общественного порядка, вызванным невозможностью удовлетворить в «нормальном» пространстве те или иные потребности: наркоторговля и наркопотребление, еда с могил, испражнение в кустах, тайный перекур, потребление алкоголя, запрещенное во дворах, на улицах и в парках. Провести между типами четкую грань невозможно без точного знания мотива, и поэтому те же действия, совершаемые не вынужденно, а намеренно и осознанно, из хулиганских побуждений, вписываются в модель поведения «игрока». К игровому поведению мы относим не только игру с четко установленными правилами (например, если кладбище вдруг включается работчиками в маршрут квеста), но и ритуальные детские «хождения на кладбище» на спор, которые описавшая их М.В. Осорина объясняет отсутствием в современной культуре детства полноценной инициации [Осорина, 2011], и «паломничества» к могилам, исполняющим желания. О кризисных ситуациях, провоцирующих аналогичные практики у взрослых, отраженные в адресованных св. бл. Ксении Петербургской граффити, писал в уже классическом труде В.Н. Топоров [Топоров, 1995, с. 369–376], а процесс стихийного возникновения такого молодежного культа вокруг свежего захоронения в художественной форме, но социологически точно описан в одном из первых советских литературных «ужасиков» [Черносвитов, 1989]. «Паломничество» взято в кавычки, несмотря на присутствие здесь элементов квазирелигиозного культа. К «квази-», как нам представляется, нужно отнести не только то, что нетрадиционно и не одобряется официальной церковью, но все, где над поклонением доминируют соображения «торговой сделки» со сверхъестественной сущностью, где веру в результат

подчиняет сомнение, где экспериментальное начало сообщает действиям субъекта игровой, досугово-развлекательный характер, а страх и запретность обеспечивают необходимое для игры приподнятое, возбужденное состояние духа. Наконец, баумановский фланер вовсе не ощущает особенности пространства: он безразлично и эгоистически «потребляет» его – преодолевает и оставляет за собой незамеченным, двигаясь к цели. Кладбище для него – короткий путь, место променада, площадка для выгула собаки, экзотичный фон для селфи.

Очевидно, что музеефикация и сообщение кладбищу туристической ценности плохо сочетаются с общественно одобряемой фигурой паломника и стигматизированной фигурой бродяги, но вполне отвечает интересам и туриста, и фланера, и игрока. Чего в итоге окажется больше – профанации (турист и фланер) или кощунства (игрок) – зависит от реакции общественности на меняющуюся модель использования кладбищенского пространства.

Методология

Основным источником полевых данных стали две сессии открытого наблюдения, первоначально стихийного неструктурированного, далее структурированного и ведущегося в соответствии с протоколом, на Пятницком кладбище в Калуге. Наблюдение сопровождалось фотофиксацией во избежание двойного учета наблюдателями одной единицы на разных участках кладбища. Единицами наблюдения выступали социальные действия посетителей и прохожих, выраженные как в наблюдаемых поступках, так и в следах (граффити, мусор, объявления, приношения). При первом посещении определялся репертуар действий, на его основании разрабатывался протокол структурированного наблюдения. Структурированное наблюдение проведено в две сессии: 24 апреля 2024¹ и 3 мая 2024 года. Период определялся исходя из ожидаемого в связи с традициями максимума проходимости и разнообразия активности: Страстная неделя и подготовка ко Дню Победы.

Категории наблюдения формировались с ориентацией не только на классификацию поведения с точки зрения соответствия норме (одобряемое, традиционное, допустимое девиантное, осуждаемое де-

---

¹ Все фотографии, приведенные в статье, относятся к данной дате.

виантное, делинквентное) и возможной реакции окружающих, но и отдельных черт портрета посетителя, позволяющих составить представление о типах стоящих за посещением мотивов, степени привычности и осознанности действий. Отмечалось групповое или одиночное появление, пол, возраст и этничность, участок и маршрут, конечный пункт (непосредственно на кладбище или вовне), способ передвижения (пеший или с использованием транспортных средств), его темп и траектория (в частности, наличие пауз, возврата к осмотру ранее пройденных участков), одежда и поклажа (мусорные мешки и грабли, пивная бутылка, музыкальные инструменты). Собственно «поведение» (привязанное, отчасти, к баумановским типам) по целям делилось на ритуальное, профессиональное, бытовое. В категорию «ритуальное» включались люди, целенаправленно приходившие на могилы в целях ухода и поминовения, а также прихожане храма. В категорию «профессиональное» – служители церкви, рабочие кладбища или иных муниципальных служб, торговцы ритуальной атрибутикой и нищие. В категорию «бытовое» – прохожие и гуляющие. Дополнительно фиксировалась сопутствующая активность: разговоры по телефону, курение или распитие спиртных напитков на территории, оставление мусора вне мусорных баков, громкий смех, ругань, игры, драки или иные акты агрессивно-насильственных действий, следы испражнений, неритуального принятия пищи (например, упаковка от бургера в отличие от конфетных фантиков) или наркооборота, включая граффити.

Результаты исследования

В настоящее время плановая музеефикация Пятницкого кладбища как единого комплекса отсутствует. Отдельные процессы протекают децентрализованно и стихийно, в результате несогласованных и часто конфликтующих друг с другом действий разных организаций, ведомств и граждан, вне единой концепции и контроля со стороны государственных и муниципальных органов. Несмотря на то что весь комплекс имеет статус ОКН и ООПТ, его различные части отличаются неодинаковой ухоженностью, благоустроенностью, чистотой и просто безопасностью. Посмертный статус погребенных, маркированный степенью заботы потомков и знаковым изобилием захоронения, визуализирует современную официальную идеологическую систему.

«Лучшая» часть комплекса – северная, с заложенным в начале XX в. и потом подвергавшимся многократным перепланировкам и реконструкции, в том числе из-за вандальных действий, Воинским кладбищем. Здесь наблюдается сочетание различных временных пластов и режимов увековечивания: советский и постсоветский, ведомственный и семейно-родственный.

Образцом официального режима памяти, преемственного по отношению к советскому периоду, являются мемориалы, гранитные плиты на условных братских могилах с надписями «Вечная память героям». Благодаря официальной государственной защите (таблички на оградах предупреждают об ответственности за оскорбление воинских захоронений, находящихся под эгидой Министерства обороны РФ) более чистыми, менее заросшими становятся могилы и за пределами мемориального комплекса, а заодно и соседствующие с ними гражданские захоронения.

Комплементарной по отношению к официальному режиму, общегосударственному и ведомственному, является стихийная народная практика присоединения, когда жители устанавливают на ухоженных братских могилах дополнительные таблички с именами или фотографии собственных родственников, погибших на полях сражений [Воинское кладбище, 2017].

В отдельных случаях они вступают в конфликт. Как следует из материала калужского журналиста В.Е. Продунова, «официальный режим» памяти игнорирует потребности памяти семейно-родственной и нередко прямо нарушает интересы родственников и потомков: «Многие могилы, когда делались здесь новые захоронения, были снесены, – объясняет Валерий Евгеньевич. – Вот могила Глазунова. Сын ставил памятник, а его сносили. И так несколько раз. Говорили, дескать, могила здесь не к месту, не вписывается в облик кладбища. И даже предлагали поставить памятник где-нибудь еще. Но сын не согласился. На свои деньги восстанавливал захоронение. Дядька упрямый. Все красил и красил оградку» [Воинское кладбище, 2017]. При этом власти игнорируют неуместную рядом с братской могилой практику захвата и «бронирования» земли частными собственниками: «Особняком стоит могила калужан, расстрелянных на базарной площади в 1941 году. Подойти к ней можно только окольными путями. К тому же рядом с захоронением кто-то забронировал место... Я у мно-

гих городских начальников просил: “Сделайте проход к этой могиле! Ведь официальное воинское захоронение”, – рассказывает Продунов. – А тем временем к ней всё прилипают и прилипают свеженькие могилки, всё прилипают и прилипают» [Воинское кладбище, 2017].

Кроме коммерциализации похоронной культуры и обесценивания индивидуальной потребности в сохранении не общегосударственной, а фамилистической истории (память сына об отце, а не народа – о своих защитниках), потерь среди гражданского населения по сравнению с боевыми потерями (братская могила расстрелянных), расшатыванию официального режима памяти может косвенно содействовать его принудительность.

Официальная музеефикация, государственная и общественная (под эгидой военных ведомств и общественных организаций), сочетается с институциональными, обязательными, практиками ухода, ритуалами поклонения, встроенными в систему школьного военно-патриотического воспитания. За один час мы встретили порядка четырех школьных групп (точнее сказать невозможно из-за постоянного пребывания детей в движении) численностью от трех до семи человек, разнополых, но одного возраста (12–15 лет), занятых уборкой могил, но одетых слишком чисто для этого занятия (форменные брюки, костюмы, платья). На вопрос, адресованный подросткам, что их сюда привело, является ли это субботником, авторы получили насмешливо-неодобрительный ответ: «Да, типа того... направили нас сюда», «причем сразу после школы». Дети не уточнили, что именно вызывает недовольство, – субботник, место его проведения или внезапность. Но сам факт вынужденного принятия на себя ритуальной роли закономерно вызвал протест в форме шутовства: оттаскивая собранные ветки в сторону от очищенного участка, подростки выхватили из мусора крупные палки и занялись фехтованием, с прыжками, гиканьем и смехом. Таким образом, девиантное поведение может свидетельствовать о медленном снижении ценности военной истории для молодого поколения.

Значительно ниже по ритуальному статусу те, чья «мера» социального бессмертия определяется вкладом в науку, культуру, духовную, экономическую, общественно-политическую жизнь, погребенные на участке № 1 в исторической части кладбища (недалеко от церкви Петра и Павла).

Несмотря на сравнительно высокую ухоженность семейных захоронений родственников великих русских ученых Чижевского и Циолковского, они не включены в официальные маршруты посещений в рамках «брендовых» для Калуги, позиционирующей себя как «колыбель космонавтики», праздничных мероприятий (День Космонавтики, Калужские чтения имени Циолковского). О них не говорят экскурсоводы соответствующих мемориальных музеев (хотя в экспозиции музея Чижевского представлены фотографии отца и тетки ученого, аналогичные размещенным на памятниках). Нет указателей и дополнительной информации кроме эпитафий на самих памятниках.

Отсутствуют и указатели, и информация, и возможность найти без провожатых захоронение декабриста Е.П. Оболенского, чей дом также остается немусеефицированным. Зато в Интернете кочует ложное утверждение о захоронении на Пятницком кладбище другого декабриста – Г.С. Батенькова¹, который действительно умер в Калуге в собственном доме, ныне ставшем филиалом Калужского краеведческого музея. Четкой концепции нет: открылся он в качестве Музея 1812 года, спустя два года превратился в Музей губернской истории, где на сегодня выделен лишь один зал, посвященный декабристам, связанным с Калужской губернией. Сложности в процессе увековечивания памяти декабристов в Калуге, по мнению авторов, также производны от официального режима памяти, в рамках которого, несмотря на общественное подвижничество «калужских» декабристов (Оболенский, Батеньков, Свистунов, Кашкин) после ссылки, наметился тренд на их дегероизацию и низведение едва ли не до роли террористов.

Никак не отмечены места захоронений архитектора И.Д. Ясныгина и краоведа Д.И. Малинина. В удручающем состоянии находятся могилы калужских родственников А.П. Чехова. Лишь недавно был отремонтирован семейный склеп пивоваров Фишеров. Многие интересные с точки зрения архитектуры, истории повседневности, похоронной моды и традиций рубежа XIX–XX вв. погребения (например,

---

¹ См. пример: URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%9F%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B1%D0%B8%D1%89%D0%B5_\(%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B0\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%9F%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B1%D0%B8%D1%89%D0%B5_(%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B0))

повторяющийся в нескольких надгробиях мотив дерева с обрубленными ветвями как символа прекращения жизни или прерывания рода) остаются не маркированными, не идентифицированными и физически находятся на грани утраты.

Образцы исторических захоронений в старейшей части кладбища свидетельствуют об искажениях исторической памяти как системной проблеме. Огромный вклад в торможение этого процесса вносит приходская жизнь. Архитектурный, социальный и символический центр, организующий пространство старейшей части кладбища, – действующий храм. Поведение прохожих здесь становится более сдержанным, здесь почти не встречается ни стихийных свалок (с которыми безуспешно борется администрация), ни иных материальных следов девиантных практик.

Уход за безымянными могилами – один из постоянных видов социального служения Русской православной церкви. Некоторые установленные на средства РПЦ кенотафы несут наглядный посыл христианской проповеди: «пролайферский» памятник «младенцам, убиенным от абортов», ненавязчивое напоминание живым о долге заботы о мертвых в форме надписи на памятнике: «Всем погребенным на Пятницком кладбище, чьи имена забыты или утеряны».

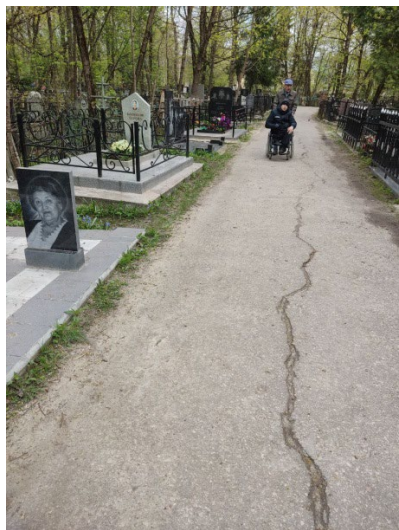
Вместе с тем в день структурированного наблюдения, несмотря на Страстную неделю, авторам не встретились на кладбище ни представители духовенства, ни просящие милостыню нищие, а тех, кого можно достоверно идентифицировать как прихожан, – всего трое (на выходе из храма перекрестились и отдали поклон). Поведение еще двух женщин в возрасте 50–60 лет, вошедших в церковь после медленного продвижения по центральной аллее с многочисленными остановками для разглядывания могил и после некоторого колебания, скорее напоминает поведение «туриста» или «фланера», как и слишком нарядная одежда (юбки, шляпки вместо «простонародного» платка, пальто, изящные туфли).

Вблизи храма сосредоточена и «профессиональная» жизнь. Ее центром являются – в пределах территории кладбища – храм и сторожка рабочих (в предпраздничные дни наблюдения нам встретились три группы в спецовках, занимавшиеся укладкой цемента, рытьем колодца и перемещением стройматериалов). За пределами кладбища – ритуальный рынок и расположенная в бывшей водонапорной

башне контора «Зеленстроя» (муниципальной структуры, занимающейся благоустройством и озеленением). Эта территория максимально многолюдна и представлена практически всеми типами, выделенными З. Бауманом, и всеми тремя видами целей (профессиональная, ритуальная деятельность, транзит). Отчетливо преобладает «паломник», которого представляют как священнослужители и прихожане, так и семьи, реализующие, часто тремя поколениями, образцы общепринятых, социально одобряемых, практик ритуального поведения: уход за семейными могилами, пользование ритуально-торговой инфраструктурой, родственное посещение всей семьей. Присутствует и «бродяга», воплощенный в традиционной фигуре нищего, а зачастую и в социальном составе торговцев ритуальными товарами.

Воинскую и историческую часть связывает единственная широкая ухоженная, асфальтированная аллея, где в последнее десятилетие регулярно ведутся мусороуборочные, озеленительные, ремонтные работы, спил аварийных деревьев и разросшейся растительности вдоль дороги. Она привлекает маломобильных граждан, ищущих место для тихих уединенных и при этом безопасных прогулок: людей, сопровождающих инвалидов, престарелых, младенцев и маленьких детей (рис. 1). Данная практика, вероятно, является вынужденной: на кладбище имеется пологий съезд, а ближайшие зеленые зоны труднодоступны (сложный переход через проезжую часть или естественный растительный покров грунта).

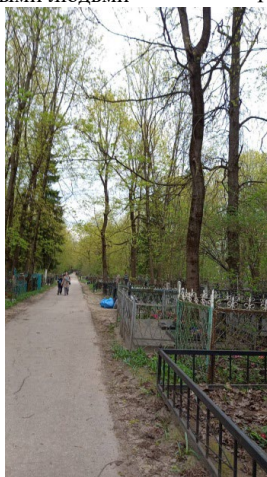
В остальных случаях безбарьерность кладбища делает его зоной неоправданного транзита, пешеходного и даже транспортного. За один час наблюдения 24.04.2024 была выявлена очень высокая пешеходная активность. «Фланеры» гуляют на кладбище, в том числе с детьми, с собаками (зафиксирован единственный случай выгула собаки, примечательный сочетанием с ритуальным посещением родственной могилы). Прилегающую к Воинскому кладбищу территорию используют как удобное место бесплатной парковки и сквозной маршрут (рис. 2). Дети перемещаются на роликах и самокатах. Подростки и взрослые проезжают на велосипедах. Кладбище превращается в игровую и спортивную зону, а также транспортную артерию.

Прогулки с маломобильными людьми

Прогулки с колясками

Прогулки с детьми

Рис. 1. Сомнительные практики: тихое и удобное место прогулок для маломобильных горожан

Источник: авторские полевые материалы.

Рис. 2. Образцы профанации кладбищ: зона транспортного транзита
Источник: авторские полевые материалы

Чем дальше от церкви, тем чаще реализуется «бродяжка», девиантная и делинквентная, модель поведения: прием алкоголя, ругань, агрессивно-насильственные действия. В указанный период наблюдения потребление алкоголя фиксировалось нами трижды: одиночное перемещение с бутылкой пива по аллее, одиночное питье пива стоя из стакана, распитие водки за столиком в глубине участка во время родственного посещения.

Не изживают себя осуждаемые Церковью языческие практики (рис. 3) поминовения усопших едой (могилы, усеянные конфетными фантиками, свидетельствуют о ритуальной трапезе) и приношениями на могилы, которые включают не только еду, но и ленточки, игрушки, иные элементы праздничного декора.

Наибольшего размаха черты неоязыческих, квазирелигиозных культов достигают там, где нет никаких следов официальной институциональности, где погребены «обычные» люди, без особых заслуг перед государством или обществом, на самых запущенных, со сверхплотными, хаотичными, часто заброшенными захоронениями участках в юго-западной и северо-восточной части кладбища. Помимо двух официальных входов на кладбище, с западной и северо-восточной стороны имеются проломы в стенах, через которые проложены прямые маршруты, поскольку кладбище оказывается условной границей исторического

и молодого центра города и лежит на перекрестке сразу нескольких маршрутов общественного транспорта. Несколько раз спросив дорогу у разных по возрасту, полу и целям посещения пешеходов центральной аллеи, авторы удостоверились, что никого не удивляет и не кажется подозрительным желание пройти напрямую через плотные заросли и могилы ни к дому культуры, остановке троллейбуса, автомойке, ни к могиле «девушки-самоубийцы». Все прекрасно ориентировались и указывали короткий путь. Здесь больше всего ощущается присутствие и «бродяг», и «игроков». Укромные уголки используют и как отхожее место, и как альтернативу «Даркнету». Все незакрашенные надписи, относящиеся к наркоторговле, сделаны на кладбищенской стене и стенах примыкающего общественного здания (ДК культуры) возле двух таких проемов (рис. 4). Такие же надписи регулярно появляются и регулярно закрашиваются силами и города, и самих жильцов на вплотную прилегающих к кладбищу жилых домах.

Видно стремление родных символически разделить праздник с ушедшими близкими

Рис. 3. Образцы девиантного поведения: элементы языческого культа предков (еда на могилах как тризна, украшения, игрушки, ленты как жертвоприношение)

Источник: авторские полевые материалы.

*Рис. 4. Образцы делинквентного поведения:
наркоторговля вдоль альтернативных «народных троп»*

Источник: авторские полевые материалы

Наибольшую продуктивность в плане обрастания молвой, атрибутами народной неформальной музеефикации, следами молодежных неязыческих паломничеств развивают могилы «заложных покойников» советской эпохи. Общие черты – очень молодой возраст погибших, загадочная, внезапная смерть (самоубийство), необычные (скульптура, барельеф) надгробия, отдаленность от центральной аллеи (тяготение к маршрутам альтернативных «народных троп»). Ленточки, записочки, замки снимаются родственниками (в момент наблюдения мы застали посетителей одной из таких «культовых» могил в северо-восточной части именно в процессе очистки захоронения от следов стихийного и явно неприятного близким поклонения), но появляются снова. Коллаж на рис. 5 относится к наиболее «музеефицированной» за счет медиатизации и устной традиции могиле шестнадцатилетней девушки. «Канонический текст» городской легенды, романтизирующей самоубийство, смакуют и воспроизводят на множестве «паранормальных» интернет-площадок, в том числе официально зарегистрированных СМИ [Страшно, вырубай ... , 2021], [Хорошая девочка ... , 2023], [Мистика ... , 2021].

Могила в западной (новой) части Пятницкого некрополя, объект городских легенд и подросткового паломничества (захоронение 1971 года). Фотография слева сделана в октябре 2021 студенткой КГУ направления «Журналистика» Щербаковой Валерией. Та же могила 24.04.2024 (справа) показывает, что близкие пытались бороться с «культовой» атрибутикой: платок с шеи статуи снят, сброшен на землю (справа сверху у ограды), нацепленные замки сняты, ленточек стало меньше. Однако появившиеся новые элементы (букеты подмышками, под обеими руками статуи) указывают, что культ жив

Рис. 5. Образцы внеинституциональной «народной музеефикации» захоронений: стихийный культ как девиантная практика

Источник: авторские полевые материалы

Основываясь на 39 единицах полностью валидных наблюдений, внесенных в протокол (где единицей выступало индивидуальное или коллективное действие субъекта, тогда как суммарное число описанных человек равно 65), можно заключить, что пространство кладбища полностью подчинено потребностям «фланера» (см. рис. 6).

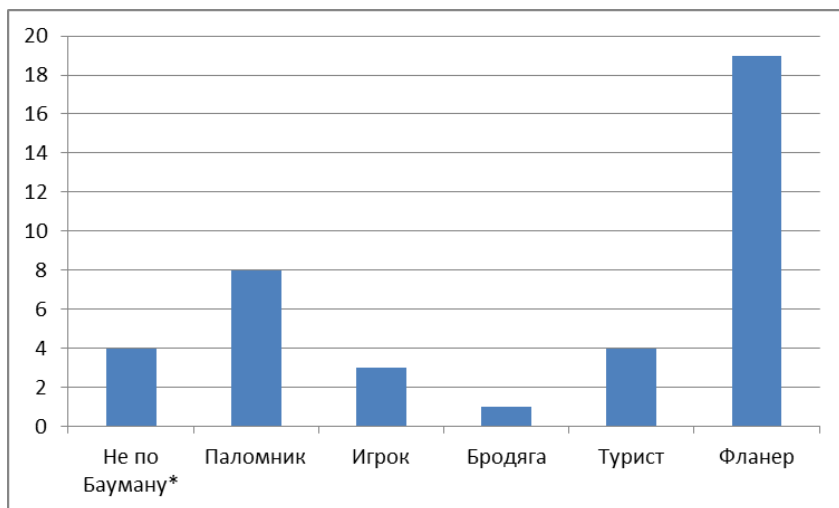

Рис. 6. Соотношение социальных типов посетителей

* В категорию «не по Бауману» отнесена профессиональная и недобровольная ритуальная деятельность

Источник: авторские расчеты на основе протокола наблюдения

Фланер решает повседневные бытовые задачи – как можно быстрее добраться до объекта городской инфраструктуры, услуги которого потребляет, или медленно и со вкусом «потребить» саму кладбищенскую атрибутику (зелень, уединенность, свежий воздух, нерутинный культурный ландшафт, удобные пешеходные пути). В итоге для десакрализации кладбища барьеров не остается. Общую массу посетителей не смущает ни выгул собаки, ни спортивные занятия или игры детей и подростков, ни захватническая приватизация земли, ни стихийные свалки, ни ужасающее состояние исторических захоронений, ни множество заброшенных, заросших, погребенных под чужим мусором безымянных могил. В настоящее время языческие некульти и практики спокойно уживаются с религиозными обычаями. Праздношатающиеся если и вызывают у родственников усопших раздражение и обиду, то лишь молчаливые, не переходящие в потребность пресечь профанные девиантные практики. Официально-государственная модель «военного патриотизма» почти полностью вытеснила модель патриотизма культурноцентрического, множество значимых историко-

культурных объектов пребывают в забвении. Общественное мнение реагирует негативно только на откровенно криминальные и кощунственные практики (акты вандализма и оскверняющего поведения), но в целом все сосуществует со всеми в режиме полной толерантности и взаимного игнорирования.

Заключение

Анализ социального использования кладбищ через фиксацию поведенческих актов дает возможность оценить восприятие современными горожанами смерти, посмертия и памяти, а также его социальные и культурные последствия для местных сообществ, что важно для городской антропологии, культурного наследия и социальной географии. По итогам наблюдений можно сделать вывод о поляризации современной модели смерти и культуры памяти: отрицание публичности и, напротив, интенсивное обобществление, медиатизация и даже демонстративность поминовения. Привыкание к смерти усиливает процессы официальной и вернакулярной музеефикации кладбищ, которые протекают спонтанно, в результате пересечения несогласованных и независимых друг от друга действий частных, общественных, государственных, религиозных, коммерческих структур. Музеефикация, с одной стороны, создает условия для возрождения заброшенных кладбищ и ревитализации утративших свою актуальность мест памяти как компонентов социокоммуникативных институтов с функцией трансляции исторической и социальной памяти. С другой стороны, она же ведет к конфликтам и дисфункциям, поскольку может восприниматься как профанация и кощунство. Кладбище становится полем эмерджентности, где статус сакрального или профанного зависит от доминирующего восприятия и характера использования.

При дальнейшей аналитической разработке темы требуется развить вопрос о доступности – недоступности и привлекательности – непривлекательности для жителей домов, расположенных вблизи кладбища, иных рекреационно-парковых, спортивно-оздоровительных, культурно-познавательных объектов и маршрутов, особенно с учетом регулярного появления на кладбище гуляющих с инвалидами-колясочниками. Интересна и причина «бесстрашия» матерей, выходящих на прогулку по кладбищу с младенцами, которых традиционно старались защищать от

символического соприкосновения с ритуально нечистыми и опасными пространствами. Данная перспектива подкрепляется тем, что за все время наблюдения авторам не встречались не только молодые матери в традиционной мусульманской одежде, но и любые люди, внешность которых позволяла бы предположить их неславянское происхождение. Соответственно, профанация кладбищ и общий упадок культуры поведения на нем может быть негативным эффектом урбанизма, характерным именно для коренного, православного, населения крупного современного города центральной России.

В случае кладбища, равно как и других «пустых пространств» и «немест», очевидна эвристичность теории разбитых окон. Безлюдность, «ничейность», монотонность и плохая просматриваемость ландшафта делают кладбище удобным для девиантных практик, а уже накопленные горы мусора, поваленные кресты и ограды, заброшенные и заросшие могилы стимулируют и провоцируют эти практики. В контексте достижения «нулевой терпимости» к общественно осуждаемому поведению принципиально устранить мелкие нарушения (курить или грызть семечки, громко разговаривать по телефону, мчаться на самокате, чтобы сократить дорогу, выбросить фантик). Они совершаются по привычке, по незнанию, из-за отсутствия выраженного общественного осуждения. Для их преодоления на данном этапе единственной сдерживающей силой представляется церковь, и потому желательно провести сравнительную оценку потенциальной реакции горожан на усиление позиционирования кладбища как историко-культурного пространства либо как пространства церковно-ориентированной ритуальной деятельности.

Список литературы

Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 133–154.

Бочаров В.В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти. – Санкт-Петербург : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 1996. – С. 15–37.

Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – 562 с.

Воинское кладбище в Калуге : пограние могил и забытая история // Комсомольская правда-Калуга. Июль 31, 2017. – URL: <https://www.kp40.ru/landing/39>

Гогунская Т.А., Кармазина Н.В. От памятника к памяти: мемориализация культурного наследия старорусского кладбища в Симферополе // Новое прошлое. – 2020. – № 2. – С. 78–89. – DOI: 10.18522/2500-3224-2020-2-78-89.

Левченко И.Е. Генезис западноевропейской танатосоциологии: историко-социологическое исследование : автореф. дис. ... д-ра социол наук: 5.4.1. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. – 38 с.

Мистика г. Калуга. Возле кладбища живет ведьма. – 2021. – 9 ноября. – URL: https://vk.com/wall-201213645_1143

Мохов С.В. «Память не в камне живет»: пространство Рогожского кладбища в рассказах его посетителей // Антропологический форум. – 2014. – № 22. – С. 249–266.

Мохов С.В., Зотова В.А. Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15, № 1. – С. 21–36. – DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-21-36.

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – 5-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 224 с.

Пятницкое кладбище / Яндекс. Карты. – URL: <https://yandex.ru/maps/6/kaluga/?ll=36.261870%2C54.519533&mode=whatshere&whatshere%5Bpoint%5D=36.255755%2C54.523345&whatshere%5Bzoom%5D=15.4&z=15.4>

Сафина Г.Р., Удалов Н.В. Кладбища как новое общественное пространство (на примере Арского кладбища г. Казани) // Естественно-научные исследования в Чувашии. – 2021. – № 7. – С. 115–125.

Страшно, вырубай! Какие леденящие душу легенды хранят улицы Калуги // Калуга – 24.tv. – 2021. – 21 октября. – URL: <https://kaluga24.tv/life/036511>

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – Москва : Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.

Уорнер У. Живые и мертвые / пер. В.Г. Николаева. – Москва : Университетская книга, 2000. – 671 с.

Уорнер У. Корпорация в эмерджентном американском обществе / пер. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 1999. – № 1. – С. 141–169.

Хорошая девочка Лида. – 2023. – 26 октября. – URL: <https://horrorzone.ru/page/horoshaja-devochka-lida>

Черносвитов Е. Чертовщина // Смена. – 1989. – Сентябрь, № 1496. – URL: <https://smena-online.ru/stories/chertovshchina>

References

Bauman, Z. Ot palomnika k turistu [From Pilgrim to Tourist]. In *Sociological journal [Sociologicheskij zhurnal]*, no. 4, 1995, pp. 133–154. (In Russ.).

Bocharov, V.V. Vlast' i simvol [Power and symbol]. In *Simvol' i atributy vlasti. Genesis, semantika, funkcii* [Symbols and attributes of power. Genesis, semantics, functions]. Saint Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. pp. 15–37 (In Russ.).

Bourdieu, P. *Prakticheskij smysl* [Practical Reason]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2001. 562 p. (In Russ.).

Chernosvitov, E. Chertovshchina [Devilry]. In *Smena*, no. 1496, 1989, sentyabr'. URL: <https://smena-online.ru/stories/chertovshchina>. (In Russ.).

Gogunskaya, T.A., Karmazina, N.V. Ot pamyatnika k pamyati : memorializaciya kul'turnogo naslediya starorussskogo kladbishcha v Simferopole [From monument to memory: memorialization of the cultural heritage of the Old Russian cemetery in Simferopol].

In *Novoe proshloe*, no. 2, 2020, pp. 78–89. DOI 10.18522/2500-3224-2020-2-78-89. (In Russ.).

Horoshaya devochka Lida [Good girl Lida]. October 26, 2023. URL: <https://horrorzone.ru/page/horoshaya-devochka-lida> (In Russ.).

Levchenko, I.E. *Genezis tanatosociologii : istoriko-sociologicheskoe issledovanie: avtoref. dis ... d-ra sociol. nauk: 5.4.1.* [Genesis of thanatosociology: historical and sociological research: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences]. Ekaterinburg, Ural'skij feder. un-t im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina Publ., 2022. 38 p. (In Russ.).

Mistika g. Kaluga. Vozle kladbishcha zhivet ved'ma [Mysticism of Kaluga. A witch lives near the cemetery]. November 9th, 2021. URL: https://vk.com/wall-201213645_1143 (In Russ.).

Mohov, S.V. “Pamyat’ ne v kamne zhivet” : prostranstvo Rogozhskogo kladbishcha v rasskazah ego posetitelej [“Memory does not live in stone” : the space of the Rogozhsky cemetery in the stories of its visitors]. In *Antropologicheskij forum*, no. 22, 2014, pp. 249–266. (In Russ.).

Mohov, S.V., Zotova, V.A. Delo ob ograde, stolike i skam'e: rezhimy spravedlivosti v praktike raspredeleniya mest na kladbishche [The case of the fence, table and bench: justice regimes in the practice of allocating places in the cemetery]. In *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, no. 1, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-ob-ograde-stolike-i-skamie-rezhimy-spravedlivosti-v-praktikah-raspredeleniya-mest-na-kladbishche>. (In Russ.).

Osorina, M.V. *Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh* [The secret world of children in the space of the adult world]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2011, 224 p. (In Russ.).

Pyatnickoe kladbishche / Yandex. Karty [Pyatnitskoye cemetery / Yandex. Maps]. URL: <https://yandex.ru/maps/6/kaluga/?ll=36.261870%2C54.519533&mode=whatshere&whatshere%5Bpoint%5D=36.255755%2C54.523345&whatshere%5Bzoom%5D=15.4&z=15.4> (In Russ.).

Safina, G.R., Udalov, N.V. Kladbishcha kak novoe obshchestvennoe prostranstvo (na primere Arskogo kladbishcha g. Kazani) [Cemeteries as a new public space (on the example of the Arsky cemetery in Kazan)]. In *Estestvenno-nauchnye issledovaniya v Chuvashii*, no. 7, 2021, pp. 115–125. (In Russ.).

Strashno, vyrubaj! Kakie ledenyashchie dushu legendy hranyat ulicy Kalugi [Scary, knock it out! What chilling legends keep the streets of Kaluga]. Kaluga – 24-tv. October 21, 2021. URL: <https://kaluga24.tv/life/036511> (In Russ.).

Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. The ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoeic]. Moscow, Progress – Kul'tura Publ., 1996. 624 p. (In Russ.).

Voinskoe kladbishche v Kaluge: popranie mogil i zabytaya istoriya [Military cemetery in Kaluga: trampling of graves and forgotten history]. In *Komsomol'skaya Pravda-Kaluga*. July 31, 2017. URL: <https://www.kp40.ru/landing/39> . (In Russ.).

Warner, W.L. Korporaciya v emerdzhentnom amerikanskom obshchestve [Corporation in an emergent American society], In *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya*, ноя 1, 1999, pp. 141–169. (In Russ.).

Warner, W.L. *Zhivye i mertvye* [The Living and the Dead]. Moscow – Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 671 p. URL: <https://djvu.online/file/TbW1c9ArGZwJT>. (In Russ.).